

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Цзи И. Конфликт мечты и действительности в произведениях Ф. М. Достоевского (на примере романа «Преступление и наказание», повести «Белые ночи» и «Записок из подполья») // Философская мысль. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.9.75915 EDN: XOSFNN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75915

Конфликт мечты и действительности в произведениях Ф. М. Достоевского (на примере романа «Преступление и наказание», повести «Белые ночи» и «Записок из подполья»)

Цзи И

магистр; филологический факультет, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1 стр. 51

✉ tszi.i@yandex.ru

[Статья из рубрики "Духовно-нравственные искания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.9.75915

EDN:

XOSFNN

Дата направления статьи в редакцию:

17-09-2025

Дата публикации:

25-09-2025

Аннотация: Предметом данного исследования выступает художественная репрезентация фундаментального конфликта мечты и действительности в прозе Ф. М. Достоевского. Объектом анализа избраны ключевые произведения писателя, отражающие эволюцию данного конфликта: роман «Преступление и наказание», а также повести «Белые ночи» и «Записки из подполья». Особое внимание в работе уделяется прослеживанию генезиса и трансформации архетипического образа «мечтателя», механизмам формирования так называемой «третьей сферы» сознания и глубокой философско-этической интерпретации данного противостояния. Методологическая основа исследования базируется на синтезе литературоведческого и философского подходов и

включает инструментарий сравнительного, структурно-семантического и мотивного анализа, а также интертекстуальный подход. Научная новизна работы заключается в системном рассмотрении конфликта мечты и действительности не как простой бинарной оппозиции «иллюзия – объективный мир», а как сложного генератора особой субъективной реальности. В рамках исследования вводится и обосновывается концепт «третьей сферы» – психологического пространства взаимопроникновения, диффузии и трансформации мечты и действительности. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в творчестве Достоевского мечта претерпевает существенную эволюцию: от романтического бегства от реальности она превращается в мощный инструмент нравственного эксперимента и экзистенциального прорыва. Конфликт у Достоевского разрешается не через победу одной из сторон, а диалектически – через порождение новой, часто трагической, субъективности. Это наглядно демонстрируют центральные образы: теория Раскольникова терпит крах при столкновении с не укладывающейся в рациональные схемы экзистенциальной реальностью; Мечтатель из «Белых ночей» воплощает трагедию сознания, заключившего себя в самодостаточный иллюзорный мир; а Подпольный человек доводит до абсурда протест против тотальной рационализации человеческого бытия. Таким образом, творчество Достоевского представляет собой глубокую художественную антропологию кризиса современного сознания, разрывающегося между утопическими проектами и экзистенциальной правдой человеческой природы.

Ключевые слова:

Достоевский, мечта, действительность, конфликт, мечтатель, подпольный человек, Раскольников, третья сфера, экзистенциализм, философия литературы

Введение

Творческое наследие Ф. М. Достоевского занимает центральное место не только в русской, но и в мировой литературе, оставаясь объектом пристального междисциплинарного изучения, сочетающего литературоведческий анализ с глубокой философской рефлексией. Одной из сквозных тем, пронизывающих его художественный мир, выступает конфликт мечты и действительности. Этот конфликт, имеющий давнюю философскую и литературную традицию, у Достоевского обретает особое звучание, трансформируясь из романтического противопоставления в экзистенциальный поединок личности с абсурдом бытия, в напряженный поиск нравственных оснований в мире, утратившем онтологическую устойчивость.

Предметом настоящего исследования является специфика конфликта мечты и действительности в романе «Преступление и наказание», повестях «Белые ночи» и «Записки из подполья». Объект – художественные тексты Ф. М. Достоевского указанного периода.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью дальнейшего углубленного изучения механизмов формирования субъективной реальности в произведениях писателя. Выбор для анализа трех произведений — «Белых ночей» (1848), «Записок из подполья» (1864) и «Преступления и наказания» (1866) — определен их концептуальной значимостью. Данные тексты образуют логическую трилогию, последовательно раскрывающую три модуса существования «мечтателя»: от пассивно-созерцательного ухода в иллюзорный мир через агрессивно-негативное отрицание действительности к попытке активной, но

трагической переделки этой действительности по своей теории. Как отмечает М. М. Бахтин, «Достоевский открыл не только новые стороны и возможности человека, но и новые художественные принципы его изображения, новые структурные формы художественного целого» [2, с. 89]. Конфликт мечты и действительности становится у Достоевского тем катализатором, который порождает уникальное гибридное пространство сознания, «третью сферу», где реальность, постоянно приближающаяся к иллюзии, образует зону, не являющуюся ни тем, ни другим. Эта сфера становится полем для нравственного эксперимента и экзистенциального выбора героя.

Целью статьи является исследование специфики данного конфликта в его философско-этическом измерении через анализ ключевых образов и идей в избранных произведениях. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи: выявить теоретико-методологические основы анализа; определить особенности воплощения конфликта через взаимодействие рационального и иррационального в сознании персонажей; провести сравнительный анализ образов «мечтателя», «подпольного человека» и Раскольникова; проанализировать, как формируются нравственные принципы персонажей в экстремальных ситуациях.

Методологическую основу исследования составляют труды М. М. Бахтина, концепция «пограничных ситуаций» К. Ясперса [5], философские идеи Ф. Ницше [12] [13], а также работы современных исследователей, посвященные поэтике и философии Достоевского.

Теоретические аспекты конфликта и его философская значимость

Конфликт между мечтой и действительностью имеет глубокие историко-литературные и философские корни. Его истоки прослеживаются от античных мифологий, где мечта ассоциировалась со сферой сакрального, до романтической традиции XIX века, трансформировавшей его в экзистенциальное противостояние личности и мира. В творчестве Ф. М. Достоевского этот конфликт претерпевает дальнейшую эволюцию, обретая трагическое измерение нравственного эксперимента и радикальной критики просвещенческого рационализма.

Эволюция образа «мечтателя» в творчестве Достоевского демонстрирует постепенное углубление интереса писателя к внутреннему миру человека. После публикации «Хозяйки» в 1847 году формируется тип интеллектуального персонажа - «мечтателя», который в «Белых ночах» доводится до своего предельного выражения. О. Богданова и Г. А. Водопьянова отмечают, что «нравственная оценка мечтателя у Достоевского двоятся, такая призрачная жизнь уводит от подлинной действительности, делает человека неспособным к реальной деятельности, но в то же время Достоевский подчеркивает ее громадную эстетическую ценность» [4, с. 92]. Эта двойственность становится ключом к пониманию специфики конфликта.

Проблема соотношения идеала и реальности имеет глубокие философские корни. Однако прямое сопоставление «мечты» у Достоевского с классической метафизикой, например, с учением Платона об идеях, было бы некорректным. Если для Платона мир эйдосов («идей») являлся подлинной и единственно истинной реальностью, а эмпирический мир — лишь ее бледной тенью, то для героев Достоевского «мечта» — это не объективный идеал, а сугубо субъективное, внутреннее порождение сознания, зачастую болезненное и иллюзорное. Таким образом, конфликт у Достоевского происходит не между онтологическими уровнями бытия (как у Платона), а внутри самого человеческого сознания, разрывающегося между своими конструкциями и давлением внешнего мира.

Более продуктивным для анализа оказывается подход экзистенциальной философии. Концепт «пограничных ситуаций» К. Ясперса позволяет описать тот кризис, в котором оказываются герои Достоевского. Столкновение их болезненно-утопических «мечтаний» с неумолимой реальностью (для Раскольникова — это реальность совершенного убийства, для Подпольного человека — собственная несостоятельность) обнажает экзистенциальную основу человеческого бытия, ставя под вопрос все прежние жизненные смыслы. В такой ситуации иллюзорные конструкции рушатся, заставляя героя совершить выбор — в сторону дальнейшего саморазрушения или возможного прорыва к подлинности.

Специфику же самого «мечтательного» сознания, его способность творить собственную реальность, помогает прояснить Ж. Делез. В работе «Различие и повторение» философ оспаривает традиционную иерархию, где копия оценивается как «ложная» по отношению к оригиналу [6]. Делезовская «реверсия» означает, что симулякр, копия, не имеющая подобия оригиналу, обретает собственную реальность и созидательную силу. Для персонажей-мечтателей Достоевского это «размывание» границы между объективным и субъективным является ключевым: возникающий в их сознании «новый мир» обладает собственной убедительностью и интенсивностью, подменяя собой действительность и становясь основой для их поступков и трагедий.

Стефан Цвейг точно подмечал, что фантазии у Достоевского становятся нитями, связывающими читателя с «подлинной человечностью» через экзистенциальное одиночество [20]. Таким образом, конфликт мечты и действительности у Достоевского — это не просто литературный прием, но способ вскрытия фундаментальных противоречий человеческой природы и условий ее существования в мире.

Образ «мечтателя» в «Белых ночах» и характерность «подпольного человека»

Повесть «Белые ночи» и «Записки из подполья» представляют собой два различных, но взаимодополняющих варианта воплощения конфликта мечты и действительности, два типа героя, чье существование определяется разрывом с реальностью.

В «Белых ночах» Мечтатель конструирует идеальный мир, который рушится при столкновении с действительностью. Его фантазии являются не просто бегством, но формой сопротивления отчуждению индивида в индустриальном петербургском обществе. Погруженный в атмосферу романтического мировосприятия, Достоевский выработал особый метод художественного осмысления действительности через призму этого образа. В начале повести авторское предуведомление «Сентиментальный роман из воспоминаний мечтателя» задает программную романтическую парадигму текста.

Парадоксальная деталь характеризует Мечтателя, восьмилетнее пребывание в Петербурге сопровождается абсолютной отчужденностью от социальных контактов, тогда как предметом эмоционального взаимодействия становятся архитектурные объекты, природные элементы и даже детали интерьера. Образ «мечтателя» становится глубокой метафорой духовных затруднений русской интеллигенции XIX века, разрывающейся между просвещенческим разумом и религиозной традицией.

Существует скрытая связь между романтизмом раннего Достоевского и философскими размышлениями Ницше о «воле к власти» и «переоценке ценностей» [10]. Фантазии Мечтателя можно рассматривать как парадоксальное выражение его личности в условиях отчуждения. Его уход в мир грез — это не пассивная капитуляция, а активная, хотя и сугубо внутренняя, попытка утвердить свой собственный закон бытия в

противовес бессмысленной и безразличной реальности большого города [12]. В этом смысле его позиция предвосхищает бунт «подпольного человека» против «хрустального дворца» рационализма. Мечтатель интуитивно протестует против любой заданной извне схемы жизни, будь то социальные условности или законы логики, пытаясь силой воображения создать альтернативную реальность. Однако эта реальность, будучи продуктом изолированного сознания, лишена диалога с Другим и потому обречена на крушение, что и составляет глубоко антиромантический пафос повести Достоевского.

В «Записках из подполья» конфликт приобретает еще более обостренный, философски насыщенный характер. При анализе этой повести первостепенное значение приобретает концепт «подполья» как пространственного локуса генезиса образа «человека из подполья». Пространство подполья становится метафорой сознания, отчужденного от мира, но парадоксальным образом порождающего свои собственные реальности.

Подпольный человек обретает духовное «освобождение» не через этические императивы, но через абсолютизацию «свободы воли как таковой». Его протест направлен против абсолютной рационализации реальности, против попытки построить «хрустальный дворец», основанный исключительно на разуме. Аргументы Подпольного человека можно резюмировать следующим образом. Рациональные законы не являются единственными законами реальности. «Хрустальный дворец» не может удовлетворить всю природу человека, его стремление к свободе и независимости. Наука не в состоянии установить абсолютные законы развития человечества, поэтому рационалистическая утопия – не более чем иллюзия.

К. Н. Холоднова определяет сущность «подпольного человека» как внутренний раскол сознания [19]. В отличие от традиционного философского дуализма души и тела, этот раскол проявляется как разрыв между «Я» и миром. Герой, уединившись на сорок лет, погружается в «молчание», сосредотачиваясь на внутреннем мире. Он существует в сконструированной им «картине реальности», создавая через воображение второй план бытия. Эта субъективная реконструкция действительности становится механизмом сопротивления абсурду внешнего мира.

Таким образом, если Мечтатель из «Белых ночей» еще сохраняет связь с романтической традицией и его фантазии имеют эстетическую ценность, то Подпольный человек представляет собой следующий этап – крах романтического сознания, его переход в состояние тотального отрицания и саморазрушения. Оба образа, однако, иллюстрируют генеративную способность конфликта мечты и действительности порождать новые субъективные реальности.

Конфликт мечты и действительности в романе «Преступление и наказание»

Роман «Преступление и наказание» представляет собой одно из самых глубоких исследований конфликта между рациональной теорией и нравственной действительностью. Центральный герой, Родион Раскольников, становится воплощением трагического разрыва между мечтой о собственной исключительности, дающей право на преступление, и реальностью человеческого страдания и совести.

Внутренний монолог Раскольникова выстраивает духовный мир, полный противоречий и самоистязаний. Этот повествовательный прием служит не только экстернализацией психики героя, но и ключевым средством углубления сюжета и раскрытия основной темы. Как отмечают А. С. Трусова и Е. Е. Пенягина, «большая часть размышлений и разговоров с самим собой происходят в его коморке, в закрытом помещении, где его

никто не сможет услышать и осудить за его мысли. Изоляция отрицательно повлияла не только на его психическое состояние, но и на физическое» [17, с. 15]. Эта изоляция становится питательной средой для вызревания его теории.

Теория Раскольникова, коренящаяся в поклонении историческим «титанам» наподобие Наполеона, делит человечество на «обыкновенных» и «необыкновенных», наделяя последних правом трансгрессии моральных норм ради высших целей. Однако внешние события продолжают подрывать теорию. Вместо того чтобы стать «необыкновенным человеком», Раскольников после убийства старухи-процентщицы страдает тяжелым нервным расстройством. Через диалоговые сцены, например исповедь перед Соней, обнажаются логические изъяны его теории – он не может ответить на фундаментальный вопрос «кто вправе определять необыкновенное» и в конце концов признается, «Я себя убил, а не старушонку...».

Важнейшую роль в романе играет сновиденческая реальность. Сны систематически противопоставляются явью, а использование ретроспекций усиливает контраст нарративных перспектив. Сон об избии лошади становится не только символическим отражением уничтожения невинных жизней, но и содержит подсознательную моральную оценку собственного поведения героя. Многократное наблюдение во сне за «воскресшей старухой» свидетельствует о несостоятельности его теории в реальности – насилие не решает экзистенциальные дилеммы, а усугубляет раскол личности.

Раскольников оказывается в ситуации, которая в терминах экзистенциальной философии может быть описана как «пограничная» (К. Ясперс). Согласно Ясперсу, это кризисное состояние, при котором рушатся привычные жизненные опоры и перед человеком с неотвратимой ясностью встают фундаментальные вопросы существования: вины, страдания, смерти [5]. Для Раскольникова такой «пограничной ситуацией» становится не само убийство, а его последствия — мучительный распад личности, тотальная изоляция и крах его теории. Именно в этом экзистенциальном тупике, когда рациональные схемы доказали свою несостоятельность, для героя и открывается возможность подлинного выбора: окончательно погрузиться в саморазрушение или найти путь к искуплению через страдание и признание своей экзистенциальной вины не только перед законом, но и перед самой жизнью. Таким образом, «пограничная ситуация» у Ясперса позволяет описать не причину преступления, а его экзистенциальный результат, ставший для Раскольникова отправной точкой для мучительного поиска нового «Я».

Конфликт между мечтой и действительностью отражается здесь в «маргинализации» человека как морального существа, когда в крайних случаях реальность и сон пересекаются, а поведение человека в реальности сходится с миром мечты и становится абсурдным. «Лиминальная ситуация» имеет множество негативных последствий для личности, приводя к ее расколу, потере чувства реальности и идентичности.

Заключение

Проведенное исследование, построенное на последовательном анализе трилогии произведений — «Белые ночи», «Записки из подполья» и «Преступление и наказание», — позволяет сделать вывод о том, что конфликт между «мечтой» и «действительностью» является для Ф. М. Достоевского не просто одной из тем, но ключевым конструктивным принципом его художественного мира. Важнейшим результатом работы становится выявление логической эволюции этого конфликта, которая проявляется в трансформации типа главного героя.

Выбранные произведения демонстрируют три последовательные стадии развития «мечтателя»:

1. В «Белых ночах» конфликт носит романтически-созерцательный характер и разрешается через пассивный уход героя в иллюзорный мир, что сохраняет за его мечтой эстетическую ценность, но обрекает на нежизнеспособность.
2. В «Записках из подполья» мечта перерождается в идеологию тотального отрицания, а конфликт становится агрессивным и саморазрушительным, знаменуя тупик «подпольного» сознания, ведущего войну с рационализмом.
3. В «Преступлении и наказании» мечта обретает форму утопической теории, требующей практического воплощения. Столкновение этой теории с действительностью приводит к ее краху, который, однако, через страдание открывает путь к возможному возрождению героя.

Специфика этого конфликта у Достоевского заключается в том, что он порождает «третью сферу» – гибридное пространство сознания, где традиционные оппозиции реального и иллюзорного теряют свою силу. Как показал анализ, характер этой «сферы» радикально меняется по мере движения от одного произведения к другому: от относительно гармоничного мира грез Мечтателя к болезненной гиперрефлексии Подпольного человека и, наконец, к кошмарному бреду Раскольникова.

Таким образом, творчество Достоевского демонстрирует, что конфликт мечты и действительности — это динамическое, развивающееся явление. Его художественное исследование на материале предложенной трилогии открывает новые горизонты для понимания природы сознания, свободы и нравственности, раскрывая не только трагедию отдельной личности, но и кризис проектов переустройства жизни на отвлеченных, рационалистических началах.

Библиография

1. Агашина Е. Н. К проблеме двойников: два Миколки в романе Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание" // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 2(6). С. 10-11. EDN: NDTUXL.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 300 с. EDN: XWWLBJ.
3. Беппер П. Л. A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural. Нью-Йорк: Doubleday & Company, 1969. 240 с.
4. Богданова О., Водопьянова Г. Эволюция образа мечтателя в раннем творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3-5(23). С. 91-93. EDN: NUCBWB.
5. Голдман С. "The Psychology of Worldviews: Jaspers/Heidegger" [Электронный ресурс] // Presencing EPISTM: A Scientific Journal of Applied Phenomenology & Psychoanalysis. 2023. С. 1-28. URL: <http://episjournal.com>.
6. Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской (С. 3-7, 215-382), Э. П. Юровской (С. 9-215). СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 384 с.; Науч. ред. Н. Б. Маньковская. EDN: TCNXLB.
7. Эзри Г. К. Идеи Платона и эйдосы Аристотеля в контексте постмодернистской философии // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 2. С. 2. EDN: VOQKHL.
8. Касаткина К. В. О некоторых особенностях психологии "подполья" в "Записках из подполья" Ф. М. Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 1. С. 164-171. EDN: SDJDZL.

9. Лесевицкий А. В. Психосоциологический дискурс Ф. М. Достоевского в повести "Записки из подполья" // Редакционная коллегия. 2013. С. 47.
10. Лю Сэнлинь. "Сверхчеловек: Достоевский и Ницше" ["超人:陀思妥耶夫斯基与尼采"] // Вестник Юньнаньского университета (Социальные науки). 2023. Т. 22, № 2. С. 5-14.
11. Михалева А. А. Герой-двойник и структура произведения (Э. Т. Гофман и Ф. М. Достоевский): специальность 10.01.08 "Теория литературы. Текстология": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Михалева Анастасия Андреевна. Москва, 2006. 248 с. EDN: NNZBLB.
12. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом [Электронный ресурс] // Nietzsche.ru: академическая платформа. 2021. URL: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/idols/>.
13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / под ред. Рункевича А. Н. [Электронный ресурс] // Nietzsche.ru. 2021. URL: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/zaratustra/runkovich/>.
14. Портнов Г. О. Поэтика "замкнутого пространства" в раннем творчестве Ф. М. Достоевского (на материале "Петербургской поэмы" "Двойник"): специальность 10.01.01 "Русская литература": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Портнов Георгий Олегович. Самара, 2012. 240 с.
15. Пушкин А. С. Скупой рыцарь [Электронный ресурс] // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/5566/skupoj-rycar>.
16. Скрипник А. В. "Записки из подполья" Ф. М. Достоевского: жанровая характеристика и особенности сознания героя // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 27-33. EDN: PWHRX.
17. Трусова А. С., Пенягина Е. Е. Внутренний монолог в "Преступлении и наказании" Ф. М. Достоевского как художественный прием психологизма // Наука и Образование. 2022. Т. 5, № 2.
18. Фазиулина И. В. Сон и сновидение в раннем творчестве Ф. М. Достоевского: поэтика и онтология: дис. 2005. EDN: NNNBLN.
19. Холоднова К. Н. "Подпольный человек" как антропологический тип в творчестве Ф. М. Достоевского // Социум и власть. 2024. № 1(99). С. 32-45. DOI: 10.22394/1996-0522-2024-1-32-45. EDN: QHIAUW.
20. Цвейг С. Три мастера. Бальзак. Диккенс. Достоевский / пер. с нем. Г. А. Зуккау, В. А. Зоргенфрея, П. С. Бернштейна. Ленинград: Время, 1929. 185 с.
21. Цяо Цзинцзин. Анализ образа подпольного человека в "Записках из подполья": магистерская диссертация / Цяо Цзинцзин. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2016.
22. Fink B. "Table of Contents." The Lacanian Subject: Between Language and Jouissance. Princeton University Press, 1995. Pp. vii-x. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1jktrqm.2>.
23. Tonero G. Образ мечтателя в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. University of Zagreb. Faculty of Humanities and Social Sciences. Department of East Slavic languages and literatures, 2024.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый материал представляет собой набросок статьи, посвящённой вопросу о конфликте мечты и действительности в творчестве Ф.М. Достоевского. Говоря о значимости этого вопроса, автор справедливо подчёркивает, что «конфликт между «мечтой» и «действительностью» в творчестве Ф. М. Достоевского является не просто

одной из тем, но ключевым конструктивным принципом его художественного мира». Однако раскрытие избранной темы в рецензируемой статье порождает много вопросов и возражений. Непонятно, почему автор выбирает для конкретного рассмотрения именно те три произведения, названия которых указаны в подзаголовке. Являются ли они наиболее характерными для демонстрации значимости конфликта между мечтой и действительностью в творчестве Достоевского, или знаменуют какие-то принципиально важные периоды в развитии его мировоззрения, или заслуживают внимания по каким-то другим причинам, об этом автор не говорит в явном виде, в связи с чем замысел статьи остаётся для читателя не вполне понятным и даже производит впечатление случайности выбора конкретного художественного материала в качестве непосредственного предмета анализа. Далее, автор связывает проводимую им в работе методологию анализа не только с М.М. Бахтиным, что вполне естественно, но и с К. Ясперсом и Ф. Ницше, при этом из философского багажа Ясперса упоминается только концепт «пограничная ситуация» (давно являющийся «общим местом», хотя Ясперс в «Автобиографии», действительно, заявлял о своём авторстве), а каким образом рассматриваемый «конфликт» соотносится с творчеством Ницше, остаётся только гадать. Указание на несколько произведений последнего ничем не помогает, поскольку в них речь идёт о множестве самых разных вопросов, и зачем автор ссылается на них, непонятно. Следует отметить, что автор весьма свободно обращается с философской терминологией. Например, он пишет, что «конфликт между мечтой и действительностью, будучи одной из фундаментальных антиномий человеческого существования, имеет...». «Конфликт» и «антиномия» – далеко не одно и то же, и зачем в подобных случаях апеллировать к мнимо-учёным выражениям? Этот никак не помогает анализу заявленной темы, Ницше, Ясперс и «антиномии» к Достоевскому непосредственного отношения не имеют, а если имеют (вспомним книгу Л. Шестова), то эту связь следует раскрывать. Трудно вообще сказать, как автор в своём сознании связывает задачу анализа литературных произведений и философию, на основании представленного текста сделать какие-то определённые заключения на этот счёт трудно. Прочитаем следующий фрагмент: «Философская рефлексия проблемы развивалась параллельно с литературной. Если Платон в «Государстве» противопоставлял мир эйдосов эмпирической реальности, задавая метафизическую дихотомию, то экзистенциализм, в лице К. Ясперса, радикализировал подход...». «Мир эйдосов» Платона – это не «мечта», это как раз и есть подлинная реальность, как стремился продемонстрировать афинский философ. И почему только в «Государстве»? Комментировать ли «дихотомию»? Между «идеями» и «вещами» у Платона располагаются математические объекты, так что уже только поэтому никакой «дихотомии» нет. Наконец, после Платона и до Ясперса, которых разделяют более двух тысяч лет, никто и не пробовал «радикализировать»? Конечно, подобные «философские добавления» не помогают понять Достоевского. Одним словом, приходится констатировать, что заявленная тема остаётся в представленном наброске нераскрытой. Думается, однако, что автор способен вернуться к её предметному рассмотрению. Объём текста составляет менее 0,4 а.л., что оставляет возможности для продолжения работы над заявленной темой.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу специфики конфликта между мечтой и действительностью в

трех ключевых произведениях Ф. М. Достоевского: «Белые ночи» (1848), «Записки из подполья» (1864) и «Преступление и наказание» (1866). Предмет исследования четко сформулирован автором и представляет несомненный научный интерес. Особо ценным является подход к анализу данных произведений как «логической трилогии», демонстрирующей эволюцию образа «мечтателя» от пассивно-созерцательного ухода от реальности к попытке активного преобразования действительности согласно собственной теории.

Методология исследования

Методологическая база исследования представляется достаточно основательной и включает работы М. М. Бахтина, концепцию «пограничных ситуаций» К. Ясперса, философские идеи Ф. Ницше. Автор привлекает также концепции Ж. Делеза и современные литературоведческие исследования. Особенно продуктивным представляется использование экзистенциальной философии для анализа кризисных состояний героев Достоевского.

Однако методологическая часть могла бы выиграть от более подробного обоснования выбора именно этих теоретических подходов и более четкого объяснения их применения к конкретному материалу.

Актуальность

Актуальность исследования обоснована автором через необходимость «дальнейшего углубленного изучения механизмов формирования субъективной реальности» в произведениях писателя. Данная формулировка представляется несколько общей. Более убедительным было бы указание на конкретные лакуны в современном достоевсковедении, которые призвано заполнить данное исследование.

Тем не менее, выбранный ракурс анализа — рассмотрение конфликта мечты и действительности как «катализатора, порождающего уникальное гибридное пространство сознания» — действительно представляет исследовательский интерес и может способствовать более глубокому пониманию художественного мира Достоевского.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается прежде всего в систематическом анализе эволюции конфликта мечты и действительности через призму трех последовательных произведений. Автор предлагает оригинальную типологию: от романтически-созерцательного характера конфликта в «Белых ночах» через агрессивное отрицание в «Записках из подполья» к трагической попытке практического воплощения теории в «Преступлении и наказании».

Ценным является введение концепта «третьей сферы» — гибридного пространства сознания, где реальность и иллюзия образуют качественно новое единство. Данная идея заслуживает дальнейшего развития в достоевсковедении.

Стиль, структура, содержание

Статья характеризуется высоким уровнем научного стиля изложения. Структура работы логична и последовательна: от теоретических оснований через анализ конкретных произведений к обобщающим выводам.

Однако в некоторых местах наблюдается определенная перегруженность

терминологическим аппаратом, что затрудняет восприятие. Например, фраза о том, что конфликт «трансформируется из романтического противопоставления в экзистенциальный поединок личности с абсурдом бытия» содержит слишком много сложных понятий без достаточного пояснения.

Анализ конкретных произведений выполнен на высоком уровне, особенно удачным представляется разбор «Записок из подполья» и роли пространства «подполья» как метафоры отчужденного сознания.

Библиография

Библиографический аппарат статьи включает 23 источника, что представляется достаточным для исследования подобного объема. Список включает как классические работы (М. М. Бахтин, К. Ясперс, Ф. Ницше), так и современные исследования. Положительно отметим присутствие зарубежных источников.

Однако можно отметить некоторые недостатки в оформлении библиографии: не все ссылки содержат полные выходные данные, встречаются электронные ресурсы без указания даты обращения.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными точками зрения на проблему, цитируя работы О. Богдановой, Г. А. Водопьяновой, К. Н. Холодной и других исследователей. Однако полемический аспект работы мог бы быть развит более активно — автор скорее синтезирует существующие подходы, нежели вступает в научную дискуссию.

Особенно ценным представляется критический анализ попыток прямого сопоставления «мечты» у Достоевского с платоновским учением об идеях, где автор убедительно показывает некорректность такого сравнения.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы работы логично вытекают из проведенного анализа и представляют определенную научную ценность. Выявление трехступенчатой эволюции образа «мечтателя» и концепция «третьей сферы» сознания могут быть востребованы в дальнейших исследованиях творчества Достоевского.

Статья будет интересна специалистам по русской литературе XIX века, философам, изучающим проблемы сознания и экзистенциальные вопросы, а также широкому кругу читателей, интересующихся творчеством Достоевского.

Общая оценка и рекомендации

Представленная статья является серьезным научным исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне. Автор демонстрирует глубокое знание материала и современного состояния проблемы.